

«НИРУКТА» ЯСКИ И «АШТАДХЬЯИ» ПАНИНИ КАК ДВА НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Статья посвящена анализу древнейшего индийского трактата по этимологии и семантике «Нирукты» Яски и знаменитой грамматики Панини «Аштадхьяи». Принципы описания языка в «Нирукте» и «Аштадхьяи» позволяют сделать вывод о существовании двух различных направлений в развитии древнеиндийской лингвистической мысли – формальной грамматики и этимологии, основанной на семантике, так сказать «семантической этимологии».

Ключевые слова: древнеиндийская лингвистическая традиция, Нирукта Яски, грамматика Панини.

Лингвистическая традиция древней Индии, по мнению европейских ученых, представлена двумя самыми выдающимися произведениями: грамматикой Панини «Аштадхьяи» (*Aṣṭhādhyāyī* – букв. *Восьмикнижие*) и трактатом Яски «Нирукта» (*Nirukta* – от глагола *nīg-vac* ‘высказывать, объяснять’). Оба сочинения относятся приблизительно к одному периоду – IV в до н. э., исследователи допускают, что Панини и Яска были современниками. В тексте «Восьмикнижия» Панини ссылается на своих предшественников и современников, что доказывает существование в Индии богатой лингвистической традиции, однако ни имени Яски, ни названия его знаменитого труда Панини не упоминает ни разу. Согласно мнению некоторых ученых, по тексту Яски можно предположить, что грамматика Панини была ему известна (Bronkhorst 2001: 150), но Яска тоже нигде не ссылается на «Аштадхьяи». Причина этого, вероятно, в том, что лингвистические сочинения Яски и Панини основывались на разных подходах, поскольку авторы работали в непересекающихся областях, использовали разные методы и преследовали разные цели. Попробуем определить, как трактаты Панини и Яски дополняли друг друга и вместе обеспечивали сохранение и бытование языка священных гимнов Ригведы.

Стремление понимать, сохранять и передавать (транслировать) священные тексты гимнов индийским богам сформиро-

ровало систему знаний прикладного характера – Ведангу (Vedāṅga) – своеобразное дополнение к текстам Ригведы. Корпус Веданги состоял из шести дисциплин, среди которых были грамматика и этимология, получившие блестящее воплощение в образцовых трудах Панини и Яски. Грамматика (vyākaraṇa) – наука о правильном построении словоформ из морфем, а этимология (nirukta) – наука о понимании значения слов и об объяснении трудных слов в текстах Вед.

«Нирукта» и «Восьмикнижие» со времен создания считались выдающимися произведениями индийской лингвистической мысли, но интерес комментаторов к этим текстам в древней и средневековой Индии был различным. На сочинение Панини еще в древней Индии были написаны подробные комментарии, ведь сложный терминологический аппарат, композиция и структура грамматики были непонятны самим индусам, и текст грамматики стал предметом бурных дискуссий, продолжающихся по сей день. «Нирукта» же гораздо меньше привлекала внимание исследователей – известны лишь немногочисленные поздние комментарии (например, комментарий Дурги, предположительно датируемый XV веком)¹. Вероятно, отсутствие богатой комментаторской традиции объясняется тем, что сама «Нирукта» является комментарием к списку слов «Нигханту» (Nighaṇṭu), кроме того, текст Яски более понятен, чем сжатые афоризмы-сутры грамматики Панини. Примечательно, что в отечественной лингвистике, насколько нам известно, вообще отсутствует исследование знаменитой «Нирукты», лишь в обзорных работах сообщается о том, что «Нирукта» представляет собой исследование значения слов, поэтому часто называется трудом по этимологии и относится, таким образом, к области семантики (а не собственно грамматики).

Итак, «Нирукта» Яски – это комментарий к древнейшему глоссарию «Нигханту» (Nighaṇṭu) – небольшому списку наиболее употребительных слов Ригведы, очень важных для

¹ Текст Нирукты, как и другие сочинения индийских ученых и сама знаменитая Ригведа, на протяжении многих веков существовал в устной форме. Однако уникальная традиция сохранения текста в условиях его устного бытования, разработанная индусами техника трансляции текста сквозь века, позволила тексту Яски, как утверждают исследователи, через два тысячелетия предстать в первоначальном варианте в комментарии Дурги (Sarup Lakshman 1967: 16).

понимания смысла текста Ригведы и наиболее часто используемых в гимнах. Эти слова в «Нигханту» особым образом структурированы — они не сопровождают последовательно тексты молитв Ригведы, но разбиты на лексико-семантические разряды и представляют собой своеобразный тезаурус, отражающий мировоззрение древних ариев, воплотившееся в текстах Ригведы.

«Нигханту» содержит чуть более тысячи слов и представляет самые важные понятия, расположенные в строгой иерархии, причем каждое понятие раскрывается целым рядом синонимов или слов того же семантического поля. Трактат состоит из 5 неравных глав: первая, вторая и третья главы традиционно называются *naighantuka*, т. к. представляют собой собрание синонимов или близких по значению слов. Первая глава содержит слова, называющие *землю, солнце, луну, ветер, облака* и т. п. Вторая глава посвящена описанию *человека* — называет *части тела человека, членов его семьи* и т. п. Слова третьей главы обозначают понятия, связанные с *чувствами, эмоциональным и ментальным состоянием человека*. В четвертой главе перечисляются слова, которые встречаются только в Ригведе (*naigama*), а пятая глава содержит перечень богов индийского пантеона и религиозные понятия (*daivata*).

Приведем пример, поясняющий структуру Нигханту. Первая глава начинается с перечня синонимов к слову *земля* (22 синонима): *kṣmā f.*; *kṣīti f.*; *kṣoṇī f.*; *prṭhivī f.*; *mahī f.*; *aditi f.*; *bhū f.*; *bhūmī f.* и др. Важно отметить, что каждое слово, включенное в ряды синонимов, многозначно. Так, слово *aditi f.* обозначает еще *речь, свободу, безграничность, бесконечность, совершенство, корову, молоко* и др. Любое слово из этого перечня обнаруживает связи со словами других семантических групп², создается своеобразная семантическая сеть, в которой каждое слово получает свое значение, оттененное значением соседних слов. Эта вербальная сеть отражает определенный

² Например, слово *bhū f.* дважды входит в списки синонимов: в первую группу слов со значением *земля* и в третью группу со значением *пространство, место существования*. Или *корова* — священное животное — многократно упоминается в текстах Вед, поэтому представлена в Нигханту в составе разных семантических групп: *usṛā f.* — *корова, утренняя звезда, молоко*; *usṛīya f.* — *корова, свет, рассвет*; *mahī f.* *корова, земля, страна, пространство, воды, реки*.

фрагмент мировоззрения, представленного в сакральных текстах.

«Нигханту», конечно, не является теоретическим лингвистическим трактатом, в тексте не содержится никакой сформулированной теории, однако идея создания глоссария наиболее употребительных и малопонятных слов священного текста, попытка классификации этих слов по семантическим группам представляют собой, безусловно, первый опыт лексикографического описания языка древней Индии. Большинство слов в «Нигханту» – это существительные, однако отдельные семантические группы состоят только из глаголов; встречаются также предлоги, наречия и частицы³. Таким образом, «Нигханту» не содержит сформулированной лингвистической теории, но предлагает расклассифицированный языковой материал⁴, который позволяет увидеть основы теории Яски.

Текст «Нирукты» – это подробный комментарий к глоссарию «Нигханту», значительно превосходящий по объему древнейший исходный текст. Трактат Яски принято считать работой по этимологии, однако в «Нирукте» нет попыток выяснения происхождения слов, исследования истории слова, изменения его формы и значения. Яска, как и Панини, дает синхронное, а вовсе не диахроническое описание языка, поскольку слова «Нигханту» – это вечные слова бессмертных гимнов: они неподвластны времени, как и восхваляемые в Ригведе всемогущие боги. Слова неизменны, как неизменна сущность обозначаемых ими вещей. Для того, чтобы познать природу вещей, называемых словами понятий, необходимо выйти за пределы значения одного слова, нужно учитывать различные контекстуальные значения, которые обретает слово в тексте, обратиться к экстралингвистической ситуации⁵. Ведь одна и та

³ Анализ этих слов позволяет Яске выделить четыре части речи: имя, глагол, предлог и частицу (к последнему классу Яска относит наречия, союзы, междометия).

⁴ Классификация слов в Нигханту была положена в основу разработки приема тезаурусного представления лексики и создания синонимических рядов при описании основных понятий, формирующих языковую картину мира, воплощенную в санскрите. Именно этот прием тезаурусно-синонимического представления лексики санскрита будет реализован в знаменитом словаре Амаракоша (VI в.).

⁵ Как писала об особенностях исследования слов Ригведы Т. Я. Елизаренкова, «большая часть рассматриваемых здесь денотатов обозна-

же вещь (понятие) может быть названа разными словами, каждое из которых многозначно. Таким образом, перечисление синонимов или слов, близких по значению, позволяет Яске не только исследовать перекрестные связи слов в семантической группе, но и выяснять взаимную связь между вещами и понятиями. Например, слово *aṇḍaja* (букв. *рожденный из яйца*) в санскрите может называть *птицу, рыбу* или *змею* в зависимости от контекста. Яска утверждает, что здесь в одном слове объединяются несколько значений: *anekārthaikaṣabda*. Значение слова (*artha*) целиком определяется контекстом и дискурсом. С другой стороны, *рыба* в санскрите может называться еще и *matsya* (букв. *произошедший от рыбы*), *jalaja* (букв. *рожденный в воде*) и др. В этом случае разные слова (*ṣabda*) возводимы к разным этимологическим значениям, которые определяют мотивированность номинации, связь именуемого понятия с другими, варианты его осмысления. В этом смысле каждое слово может иметь несколько этимологий, так как оно вызывает разные смысловые ассоциации, вступает в различные семантические связи и раскрывает взаимную связь предметов и понятий, устанавливая природу называемых словами вещей.

Нанизывание близких по значению слов или слов, значения которых как-то связаны друг с другом, создает единое семантическое поле, что помогает Яске обнаружить цепь ассоциаций, воссоздающих скрытую семантику слов. Такая этимологизация не выясняет ни происхождение слова, ни его историю, но позволяет увидеть скрытые семантические слои, установить глубинную семантику того или иного слова. Эта операция по «семантическому этимологизированию» основывается на синонимах, на словах той же семантической группы, на контекстах, в которых встречается слово в сакральных текстах, на мифах и символах, которые лежат в основе древнеиндийской языковой картины мира.

Во второй главе «Нирукты» Яска сформулировал ряд правил выведения этимологии слов. В частности, Яска подчер-

чается в Ригведе с помощью нескольких существительных, образующих семантическое поле, при описании которого возникает задача установления различий между синонимами. Задача является прежде всего лингвистической, но, учитывая особенности жанра и стиля изучаемого текста, ее решение требует также обязательного выхода за пределы чистой лингвистики» (Елизаренкова 1999: 14).

кивает важность опоры на значение, а не на форму. По его мнению, фонетические соответствия играют менее важную роль, чем общая семантика. Чтобы выявить значение (*samartha*) слова (*pada*), нужно устанавливать семантическое сходство с другими словами, а также исследовать изменение формы слова (*vikāra*) (Sarup 1967: 88). Значение неизвестного слова угадывается по контексту, кроме того, исследуемое слово сравнивается с другими, имеющими сходную семантику или сходное звучание. Такая процедура допускает наличие множественных перекрестных связей между словами, поэтому в результате анализа устанавливается не вектор, указывающий происхождение слова, а сеть, в которой слово оказывается соединенным самыми разными (семантическими и формальными) связями с другими словами. Например, значение слова *земля* раскрывается в семантических связях со словами *pr̥thivī* (*земля*), *pr̥thu* (*широкий, пространный, большой*), *gata*, *gātu* (*движение, хождение*), *gacchanti* (*ходят по ней живые существа*), *go* (*корова*) и др. (Sarup 1967: 90). В отличие от этимологии, устанавливающей происхождение слова путем анализа морфемной структуры слова, фонетических соответствий и семантики, «этимология» Яски не может быть истинной или ложной, ведь все семантические связи, найденные Яской, так или иначе помогают вскрыть истинное значение слова.

Яска четко противопоставляет и называет разными терминами слово, употребленное в контексте (в речи) – *pada* и слово как единицу языка – *ṣabda* (Fonseca 2003: 167). Исследование значения слова в языке и в речи позволяет Яске установить глубинную семантику слова (*artha*). Опора на семантику позволяет Яске при этимологическом анализе переставлять звуки местами, добавлять, убирать или изменять их, не приписывая отдельным звукам никакого самостоятельного значения (Sarup 1967: 88).

Совсем другой принцип лингвистического анализа реализован в грамматике Панини. В самом названии древнеиндийской грамматики *vyākaraṇa* (букв. *расчленение, анализ*) отражается метод работы с языковым материалом: из полученных в результате анализа первичных (далее неделимых) элементов языка (звуков, морфем) синтезируются словоформы и сочетания слов. Таким образом, текст грамматики является перечнем правил-сутр, которые в кратком и формализованном виде представляют

инструкцию синтеза словоформ санскрита путем присоединения друг к другу морфем разного типа. Именно поэтому «Аштадхьяи» (*Aṣṭhādhyāyī*) сопровождается приложениями, содержащими исходные единицы синтеза: списком глагольных корней «Дхату-патха» (*Dhātu-pāṭha*) и списком именных основ «Гана-патха» (*Gaṇa-pāṭha*). К глагольным корням в определенной последовательности присоединяются разные типы аффиксальных морфем: в сутрах грамматики Панини перечисляются словообразовательные и словоизменяющие аффиксы и предписываются правила их употребления в составе словоформы.

Панини фиксирует порядок следования морфем в словоформе: каждый корень в составе сложного слова и каждый аффикс занимает строго отведенное ему место в словоформе. При таком понимании отсутствие аффикса оказывается значимым, Панини формулирует понятие нулевой морфемы (*lora*) в цепочке фиксированных в составе слова морфем. В «Аштадхьяи» подробно описываются случаи морфонологических изменений, которые происходят при синтезе словоформ, различные сандхи на стыке морфем и слов.

Даже слово (точнее словоформу) Панини определяет через понятие аффикса: «*suP tiN-antam padam*» (1.4.14⁶), то есть «словом является то, что оканчивается на глагольные флексии (*tiN*) или именные флексии (*suP*)» (Sharma 1990: 218). Очевидно, что и определение слова основано на формальных критериях.

При синтезе конкретной словоформы из отдельных морфем необходимо использовать весь корпус правил грамматики. Так, образование глагольной формы настоящего времени 3 лица ед. числа от корня *bhū* происходит по следующей модели: *bhū + ṣaP + tiN*, где *ṣaP* и *tiN* – технические обозначения определенных аффиксов, присоединяемых к глагольному корню в определенной последовательности.

Для образования глагольной словоформы необходимо совершить следующие операции:

1. по правилу 3.1.68 к корню *bhū* присоединяется основообразующий аффикс *ṣaP* (то есть *-a-*): *bhū + ṣaP > bhū + a*;

⁶ В ссылках на текст грамматики Панини *Aṣṭhādhyāyī* указывается номер книги, раздела и сутры.

2. по правилу 7.3.84 последняя гласная корня I класса принимает вид $guṛa: bhū + ṣaP > bho + ṣaP > bho + a$;

3. по правилу 6.1.78 гласные e, o, ai, au изменяются в сочетании ay, av, āy, āv: $bho + a > bhava$;

4. по правилу 3.4.113 к полученной таким образом основе присоединяется личное глагольное окончание со значением 3 л. ед. числа -ti. Вся совокупность глагольных флексий настоящего времени обозначается термином $tiñ$.

В результате синтеза получается форма *bhavati* 'он существует, становится'.

Важно отметить, что все внимание Панини сосредоточено на форме слов, именно поэтому «Аштадхьяи» можно назвать формальной грамматикой, цель которой – представить модель порождения санскритских форм.

Необходимо впрочем сказать, что Панини иногда учитывает значение синтезируемых при помощи грамматики слов. Например, он вводит в текст грамматики термин *samartha* (самартха) (2.1.1) для обозначения различного рода семантико-синтаксических отношений. А для описания синтаксических функций существительных в предложении Панини вводит термин *kāraka* (карака) (1.4.23) и подчеркивает несовпадение глубинных семантических ролей, определяющих синтаксические функции имен, и оформление существительных падежными флексиями (SuP). Можно предположить, что теория *карака* – это попытка использования семантических категорий в грамматическом описании. Тем не менее очевидно, что и в данном случае речь у Панини идет о семантико-синтаксических отношениях, которые необходимы ему для описания построения сингагмы, то есть можно с полным основанием говорить о формальном подходе в «Аштадхьяи».

Если грамматика Панини сосредоточена главным образом на описании процедуры формального синтеза, то «Нирукта» Яски представляет собой попытку объяснения значений слов, то есть, это скорее трактат по лексической семантике, точнее, по семантической этимологизации, которая в дальнейшем станет важным направлением философско-лингвистических изысканий в древней и средневековой Индии.

Можно предположить, что два знаменитых трактата о языке взаимно дополняют друг друга, поскольку Панини предлагает синтез форм слов из морфем (грамматика), а Яска – анализ

значения слов (семантика). Если Аштадхьяи представляет собой алгоритм создания словоформ из конечного списка исходных единиц, то «Нирукта» есть попытка обнаружения скрытого смысла, глубинной семантики слов путем выявления и толкования **семантических связей** слов знаменитой Ригведы. Таким образом, можно утверждать, что Панини разрабатывал методы **формальной грамматики**, а Яска – **семантического анализа**.

Литература

- Apple, J. 2009: "Wordplay": Emergent Ideology through Semantic elucidation. A Rhetorical Technique in Mahāvāna Buddhist formations. *Bulletin for the Institute of Oriental Philosophy* 25, 161–173.
- Bronkhorst, J. 1984: Nirukta, Uṇādi Sūtra, and Aṣṭādhyāyī. *Indo-Iranian Journal* 27, 1–15.
- Bronkhorst, J. 2001: Etymology and Magic: Yāska's Nirukta, Plato's Cratylus, and the Riddle of Semantic Etymologies. *Numen* 48, 147–203.
- Elizarenkova, T. Ya. 1999: *Slova i veshchi v Rigvede* [Words and things in Rigveda]. Moscow: «Vostochnaya literatura».
- Елизаренкова, Т. Я. 1999: *Слова и вещи в Ригведе*. М.: Изд. «Восточная литература» РАН.
- Fonseca, C. A. 2003 Theoretical bases for Yāska's Nirukta. In: *Proceedings of the XI World Sanskrit Conference (Turin, April 3rd-8th, 2000)*. 1-st part. V. XXIX. <http://www.indologica.com/index-volume29.asp>
- Sarup, L. 1967: *The Nighaṇṭu and the Nirukta. The oldest Indian treatise on etymology, philology and semantics*. Text and translation by Lakshman Sarup. Delhi; Varanasi; Patna.
- Sharma, R. N. 1999–2003: *Aṣṭādhyāyī of Pāṇini*. New Delhi. Vol. 1–2. 1990. (The second edition – 2000), Vol. III. 1995. (The second edition – 2002), Vol. IV. 1999. Vol. V. 2001. Vol. VI 2003.

O. A. Voloshina. «Nirukta» of Yaska and «Ashtadhyai» of Panini as two directions of the development of ancient Indian linguistic tradition

The Old Indian treatises – *Nirukta* of Yāska and the famous grammar of Pāṇini – show different principles of the description of the language from the point of view of etymology and semantics. *Nirukta* and *Aṣṭādhyāyī* illustrate two directions in the development of linguistic study in ancient India – formal grammar and semantic etymology.

Key words: the ancient Indian linguistic tradition, the *Nirukta* of Yāska, the grammar of Pāṇini.